

В. К. Пичугина,
М. К. Ветошкина

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИДЕРСТВА:
ОТ КСЕНОФОНТА
К ЦИЦЕРОНУ¹**

УДК 37.017.4
ББК 74.03(0)32

В статье сопоставлены древнегреческие и древнеримские педагогические представления о теории и практике военно-политического лидерства. Анализ сочинений Ксенофонта и Цицерона, написанных в условиях возникновения и разрушения политических и военных союзов, позволил выделить уникальное и универсальное в античных представлениях об идеальном политическом деятеле, который обязан или вынужден быть защитником и наставником своего народа.

Ключевые слова: античная педагогическая мысль; военно-политическое лидерство; воспитание воина и политика; педагогические идеи Ксенофонта и Цицерона.

V. K. Pichugina
M. K. Vetoshkina

**PEDAGOGICAL CONCEPT
OF THE MILITARY-POLITICAL LEADERSHIP:
FROM XENOPHON TO CICERO**

Old Greek and Roman pedagogical ideas of the theory and practice of military and political leadership are compared. Allowed to allocate the analysis of compositions of Xenophon and Cicero written in the conditions of emergence and destruction of political and military alliances unique and universal in antique ideas of the ideal politician who is obliged or is compelled to be the defender and the mentor of the people.

Key words: antique pedagogical thought; military and political leadership; education of the soldier and politician; pedagogical ideas Xenophon and Cicero.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Концепция воспитания культуры в педагогике Цицерона» № 16-06-00004

В античной педагогической культуре интерес к вопросам воспитания политического лидера никогда не угасал. В поисках ответов на них античные наставники разных исторических периодов выстраивали особые нарративы — повествования, содержавшие скрытые политико-педагогические программы, обращенные не столько к ученикам-современникам, сколько к ученикам-потомкам. Среди многочисленных авторов, прямо или косвенно затрагивающих темы воспитания политического и военного лидера, особое место занимают древнегреческий политик и полководец Ксенофонт Афинский (ок. 430 — после 355 до н.э.) и древнеримский политик и оратор Марк Туллий Цицерон (106 до н.э. — 43 до н.э.). Для Ксенофонта, принимавшего непосредственное участие в военных операциях крупнейших политических лидеров своего времени, как и для Цицерона, опосредованно участвовавшего в военных кампаниях под предводительством Цезаря и его приближенных, вопросы воспитания в условиях войны и мира являлись центральными.

Несмотря на существенную историческую дистанцию, которая их разделяла, Ксенофонт и Цицерон задавались близкими вопросами. На их глазах создавались и разрушались политические и военные союзы, а соотечественники то одерживали громкие победы, то терпели не менее громкие поражения. Витавшие в воздухе настроения и чаяния (а часто и — отчаяние) сограждан во многом сформиро-

вали для Ксенофонта и Цицерона некую модель воспитания политического лидера, способного выступать наставником для своего народа и в случае необходимости защищать его интересы с оружием в руках. Их оригинальные педагогические идеи рассредоточены по трудам различной проблематики, которые при параллельном прочтении демонстрируют особенности эволюции античной концепции воспитания политического и военного лидера. В. Йегер подчеркивал, что «читатель Ксенофонта должен научиться тому, что ему следует говорить и как действовать в определенных ситуациях, как греки в отчаянных испытаниях ... он должен суметь развить арете в самом себе»¹. Читатель Цицерона должен был научиться говорить и действовать в ситуациях не менее «отчаянных испытаний», которые выпали на долю римлян, но развить в самом себе добродетель уже не как *ἀρετή*, а как *virtus*.

Государство для Ксенофонта есть нечто большее, чем система правления и географическое положение, размеры и богатство, законы и ресурсы. В его концепции воспитания правителя государство сжимается до одного человека, который выступает гарантом воспитанности граждан. Ксенофонт идеализирует воспитание политического лидера и настаивает, что в цепочке «идеальное государство — идеальный правитель — идеальные граждане» важнейшим является центральное звено. Цицерон, напротив, отдает предпочтение первому звену, утверж-

¹ Батлук О. В. Философия образования в Древнем Риме: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 157 с. С. 17.

дая, что государство прирастает гражданами, воспитание которых является гарантом стабильности для правителя. Одним из героев своих сочинений Цицерон делает великого древнеримского полководца и политика Публия Корнелия Сципиона Африканского. Идеальное государство для Цицерона было именно «Римом Сципиона»¹, который много сделал для Римской империи, но не смог предотвратить ее падения. Военные победы Сципиона способствовали тому, что Рим вышел из состояния постоянной войны, однако при этом пошатнулись основы римской добродетели, которая всегда связывалась с военными победами². Выход из кризиса, в котором оказалось государство, Цицерон видел в осторожной интеграции греческой добродетели ἀρετή с военной римской добродетелью *virtus*.

Цицерон причислял Сципиона к мужам, едва ли решившимся «совершать столь великие деяния, — которые могли бы вызывать воспоминания у потомков, если бы мужи эти не сознавали, что потомки будут способны к таким воспоминаниям» (Cic. *Sen.* XXIII, 82)³. Многочисленные источники подтверждают, что Сципион был хорошо знаком с сочинениями Ксенофонта. В «Тускуланских

беседах» Цицерон так пишет об этом: «Сципион Африканский никогда не выпускал из рук сократика Ксенофонта, особенно хваля в нем ту мысль, что для полководца и солдата одни и те же труды тяжелы по-разному — полководцу они легче, потому что ему за них выше честь» (Cic. *Tusc.* II.XXVI.62)⁴.

Здесь Цицерон указывает на конкретный отрывок из сочинения Ксенофонта «Воспитание Кира», которое представляло собой одновременно «биографию Кира Великого, историю начала Персидской империи, роман, военное руководство, политическое руководство управления империи, дидактическую работу по этике, морали и образованию»⁵. В заинтересовавшем Цицерона отрывке маленький Кир задает отцу вопрос, верно ли, что полководец должен быть сильнее всех своих воинов. Отец отвечает: «Ты должен знать, что полководец и рядовой воин, обладая одинаковой силой, по-разному сделают одно и то же дело. Сознание уважения, оказываемого ему, а также то, что на него обращены взоры всех воинов, значительно облегчают полководцу даже самый тяжелый труд» (*Xen. Cyr.* I.6.25)⁶. В этом утверждении перед читателем, действительно, «сократик

¹ *Maass R. W.* Political Society and Cicero's Ideal State // *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*, 2012. Vol.45. Iss. 2. PP.79–92. P. 79.

² *Barlow J. J.* The Education of Statesmen in Cicero's "De Republica" // *Polity: Palgrave Macmillan Journals*, 1987. Vol.19. Iss. 3. PP. 353–374. P. 359.

³ *Цицерон.* О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1974. С. 7–30. С. 29.

⁴ Цицерон. Тускуланские беседы / Цицерон. Избранные сочинения / Сост. и ред. М. Гапарова, С. Ошерова, В. Смирнова. М.: Худ. лит, 1975. С. 268.

⁵ *Gera D. L.* The Dialogues of The Cyropaedia. Oxford: Trinity Term, 1987. V.1. 388 p. P. 1.

⁶ *Ксенофонт.* Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. М.: Наука, 1976.

Ксенофонт», полностью разделяющий опасную идею Сократа о том, что полис основан не на «равенстве равных», а на том, что одни становятся «равнее других» благодаря образованию. Неравенство такого рода является движущей силой развития государства, поскольку выделившиеся из массы управляют этой массой, изо всех сил сохраняя «равенство равных». Ксенофонт добавляет к этому то, что их труд облегчает осознание своего лидирующего положения. Физическая сила дополняется духовной силой: признанному другими всегда легче признавать правильность расходования своих сил. Военное лидерство, согласно Ксенофону, в обязательном порядке давало политическое превосходство.

Кир Младший, сын персидского царя Дария II, привлекает Ксенофонта, поскольку через его жизнеописание можно преподать урок грекам, у которых никогда не было такого правителя-наставника: «Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более, чем кто-либо другой, мы тщательно исследовали, какого он был происхождения, каковы были его природные дарования, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми» (Хеп. Суг. I.1.6)¹. Тщательное исследование Ксенофонта, однако, нельзя назвать беспристрастным. Ему настолько хотелось, чтобы Кир Младший походил на Кира Великого, что описания часто

идут в разрез с историческими фактами. Плутарх, например, считал, что жизнь Кира была всего лишь цепочкой эгоистических желаний человека, которого подстегивали «неумолимая жажда империи и безумное желание быть первым и лучшим» (Plut. Ant. 6.3)².

Цицерон, выполнивший перевод «Воспитания Кира» Ксенофонта на латинский язык, подчеркнул, что оно было написано не с целью дать исторически верную картину, а с целью дать представление о справедливой, заботливой и умеренной власти, у которой строгость сочетается с добротой (Cic. Q.fr. I.1. VIII.23). В ряде сочинений и писем Цицерон говорит о том, что идеальное государство возникает только когда правители являются воспитательным примером для граждан, что и показано в «Воспитании Кира». Восхищавшийся Сципионом Цицерон указывает на то, что тот старался воплотить в жизнь идеал Ксенофонта, потому и не расставался с его сочинениями.

Начав с того, что Киrom следует восхищаться, Ксенофонт продолжает тем, что Кира нужно бояться: «Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним... Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному — навсегда остаться под его властью» (Хеп. Суг. I.1.5). **Описание**

¹ Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. М.: Наука, 1976.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: Наука, 1994. изд. 2-е. Т. II. 356 с. С. 3.

империи Кира, скрепленной страхом и угодничеством выглядит, по меньшей мере, странно. Однако Ксенофонт дает понять, что внушение страха — это необходимый элемент жесткого захвата власти, а ее удержание, напротив, требует мягкого наставления граждан в желании всегда находиться под этой властью. Ксенофонт здесь повторяет логику Гомера, который, описывая Одиссея, предлагал простую формулу идеального царя: «Праведно властвует он, и его благоденствуют люди» (Ном.19.110)¹.

Цицерон формулирует понимание идеального политического лидера близкое, но не тождественное пониманию Ксенофонта: «великому человеку, умеренному по природе и образованному наукой и изучением высоких искусств, следует посвятить себя такой власти, чтобы те, над кем он поставлен, не желали бы никакой другой власти»². На первый взгляд, нежелание «никакой другой власти» у Ксенофонта продиктовано страхом, а у Цицерона — уважением перед величием правителя. Однако Ксенофонт утверждал, что только подвластные Киру опасались его подкрепленных образованием лидерских качеств. Приближенные Кира и близкие ему по силе фигуры (к которым, судя по всему, Ксенофонт относил и себя) не боялись, а восхищались им. На то са-

мое «равенство равных», которое изо всех сил стараются сохранить превосходящие над равными, Ксенофонт предлагает посмотреть с двух сторон: со стороны тех, кто лишен власти, и тех, кто ею обладает. У Цицерона акценты расставлены мягче; не оспаривая разницу между одними и другими, он не так четко говорит о жесткости любой власти.

Ксенофонт и Цицерон, по сути, говорят об одном и том же: важно не то, что образование и власть делают нас другими, а то, как мы демонстрируем образование и власть другим. Подвластные Киру, также как и подвластные Сципиону, должны были принять идеал суровой, но справедливой власти, которая была добыта и удержана благодаря образованию. В диалоге Цицерона «О государстве» Сципион обсуждает насущные вопросы со своим другом, интеллектуалом и политиком Гаем Лелием и его друзьями и родственниками. Цицерон определяет собеседников Сципиона как «образованных молодых людей в возрасте квесториев» (Cic. R.p. I.XII.18)³ Сципион представлен не столько талантливым политиком, сколько наставником: он «инструктирует молодых людей своего круга в искусстве сохранения хороших законов и изменения плохих законов в лучшую сторону»⁴. Когда один из собеседни-

¹ Гомер. Илиада. Одиссея / пер. Н. Гнедича. М.: Худ. лит., 1967. 768 с. С. 642.

² Батлук О. В. Философия образования в Древнем Риме: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. 157 с. С. 77.

³ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 7–88. С. 13.

⁴ Barlow J. J. The Education of Statesmen in Cicero's "De Republica" // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. Vol. 19. Iss. 3. PP. 353–374. P. 353.

ков просит Сципиона пояснить явление на небе двух солнц, Лелий своеобразно упрекает его в этом странном желании: «Разве мы уже изучили все то, что относится к нашим домашним делам и к государству, и потому хотим знать, что происходит на небе?»¹. Цицерон строит диалог таким образом, чтобы продемонстрировать свое желание вернуть философов с небес на землю и утвердить философию как основу политики. Структура диалога «О государстве» напоминает диалоги Ксенофонта, главным героем которых являлся Сократ, также стремящийся «заземлить философию», сделав ее полезной для города. Традиционный способ чтения диалогов Цицерона с целью выяснить, «кто из персонажей представляет собственные убеждения Цицерона»², в этом случае не совсем подходит. Намного важнее концепция диалога, которая демонстрирует желание Цицерона через Сципиона взять на себя роль Сократа и наставлять своих читателей — тех самых будущих политических лидеров «в возрасте квесториев».

Диалоги Сципиона и Лелия у Цицерона часто напоминают диалоги Сократа и Критобула у Ксенофонта в «Домострое». Разговаривая с Критобулом, Сократ поясняет необходимость обучения ведению домашнего хозяйства, указывая на практическую пользу для города, которая приходит

вместе со знанием. За многими описаниями просматриваются политические образы и отдельно взятое домохозяйство предстает как уменьшенная модель города. По Ксенофону, мудрость главы семьи, политического или военного лидера может быть одновременно и врожденным даром, который следует развивать, и качеством, которое можно сформировать практически с нуля. То, что Цицерон не желает повторять логику Ксенофонта, становится ясно, когда Лелий просит пояснить различие между одним властителем и группой властвующих. В ответ Сципион говорит, что в «городском доме» все точно так же, как и в доме самого Лелия, где тот призывает рабов слушаться только одного человека — «управителя». Сципион резюмирует все это так: «Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство?» (Cic. R.p. I.XXXIX.61)³. Ксенофонт, рассуждая о наилучшем стиле управления домовладением, говорит о необходимости делегирования властных полномочий, а Цицерон — об узурпировании. Борющийся за практическую философию Сократ в изображении Ксенофонта существенно отличается от Сократа в лице Сципиона, которого Цицерон использует для утверждения совершенной иной педа-

¹ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 7–88. С. 14.

² Barlow J. J. The Education of Statesmen in Cicero's "De Republica" // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. Vol.19. Iss. 3. PP. 353–374. P. 356.

³ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 7–88. С. 29.

гогической концепции политического лидерства. Объединяющим является то, что Цицерон, как и Ксенофонт, не противопоставляет частную жизнь политической. Стабильность в отдельно взятом доме или во всем государстве рассматривается ими, в том числе, как результат педагогического действия и последствия. Сократу Ксенофонта и Сократу-Сципиону Цицерона важно, чтобы главы домохозяйств и потенциальные политические лидеры пришли к ответу на вопрос «что есть лучший политический режим?» через вопрос «что есть справедливость?». Это дает им возможность стать наставниками себе и другим, значительно упрочив свои лидерские позиции.

В «О дивинации» Цицерон так пишет о нем: «Ксенофонт, ученик Сократа (какой это был великий человек!), в том походе, который он совершил с Киrom младшим, записывал свои сны и удивительные события, подтверждавшие эти сны» (Cic. Div. I.XXV)¹. Эта характеристика, где «удивительными событиями» названо знаменитое отступление десяти тысяч греческих наемников, позволяет судить о глубоком знании Цицероном не только творческого, но и жизненного пути Ксенофонта. Детальное описание перемещений и многочисленных трудностей, которые пришлось перенести воинам, Ксенофонт дает в «Анабазисе», где предлагает уже не теорию, а практику военно-политического лидерства. В «Анабазисе» Ксенофонт обозначил

свое педагогическое кредо: образование является силой, позволяющей достигать лидерства на полях сражений и в политических баталиях. Сплочение граждан под началом талантливого политика виделось ему процессом, подобным сплочению воинов, воодушевленных своим командиром.

«Анабазис» повествует о том, как наемные войска Кира путешествовали под его руководством и без него, движимые памятью о своем великом командире. Следует отметить, что наемники, над которыми стоит полководец-воспитатель, были профессиональными воинами, предлагавшими свои услуги военно активным государствам. Многие из них после Пелопонесской войны лишились своих домохозяйств и стали наемниками по необходимости. Наемники были для Ксенофонта армией доблестных воинов, которые объединены общей целью и ведомы тем, кто может вселять надежду и уверенность в их сердца (Xen. Anab. III.I.73). Добродетель воина-наемника казалась Ксенофонту чем-то само собой разумеющимся, необходимой и очевидной скрепой современной его армии. Относительно добродетели военного лидера Ксенофонт не так категоричен, поскольку «амбициозные и хорошо продуманные планы даже самых добродетельных и знающих лидеров» в реальной жизни часто сталкиваются с «хаотичным миром политики» и их необходимо менять по обстоятельствам².

¹ Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 191–298. С. 211.

² *Wriden C.* The Account of Persia and Cyrus's Persian Education in Xenophon's «Cyrropaedia»// *The Review of Politics*, 2007. Vol. 69. №. 4. PP. 539–567. P. 541.

Подлинное лидерство полководца, по Ксенофону, складывалось из его благочестия, знания военной стратегии и тактики, а также средств и методов поддержания дисциплины¹. Однако некоторый сарказм все же присутствует у Ксенофонта, когда он говорит об иерархии «командующий-подчиненный»: «Люди с особой готовностью повинуются тому, кого считают разумнее себя в делах, где речь идет о их собственной выгоде» (*Xen. Суг. I.6.22*)². Угроза превращения армии греческих наемников в сборище жаждающих славы и наживы казалась Ксенофону одним из самых страшных вызовов современных ему реалий. На тех же позициях стоял и Цицерон, беспокоящийся о том, что привыкшие побеждать римляне часто предпочитают жестокость милосердию. Цицерон не так часто обращается к особенностям формирования и функционирования наемной армии, которая также составляла основу современной ему римской армии и была сильно зависима от своих предводителей. Успешные военные кампании не воспринимаются им как единственный залог политической стабильности. Однако он соглашается с Ксенофонтом, что наемные воины должны быть натренированы не только на то, чтобы противостоять врагам, но и чтобы побеждать свои слабости и пороки.

Рассуждая в «О государстве» об истории Рима, Цицерон говорит,

что в былые времена государственными делами с согласия народа занимались «храбрейшие мужи», известные многочисленными военными победами (*Cic. R.p. II.XXXII.56*). Современный Рим силен тем, что ведет «справедливые войны», где нет места самоуправству полководцев и наемников. Если у Ксенофонта война является необходимым атрибутом политики, то у Цицерона все не так однозначно. В «О государстве» Сципион говорит, что «каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит» (*Cic. R.p. I.XXXI.47*)³. Сохранность прав граждан для Цицерона является наилучшим положением, которого можно достичь; положением, которое над «делами войны и мира».

Ксенофонт и Цицерон не всегда явно, но демонстрируют читателю уроки, которые он мог бы извлечь из жизнеописаний «великих и славных» военных и политических лидеров, стремящихся своими мудрыми делами улучшить общество. Педагогическая концепция военно-политического лидерства претерпевает существенные изменения на хронологической дистанции от Ксенофонта к Цицерону. Если для Ксенофонта политический лидер обязан быть военным, то для Цицерона он *вынужден* быть таковым. Оттолкнувшись от идеи Сократа о политике, который в силу высокого уровня нравственности должен быть

¹ Petrik C. H. Xenophon's Leadership in the Anabasis: A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts, Edmonton, Alberta Fall, 1996. 90 p. P. 1.

² Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. М.: Наука, 1976.

³ Там же. С. 23.

воспитательным образцом для союзников и соперников, Ксенофонт и Цицерон по-разному ее трансформировали и иллюстрировали примерами «великих и славных» лидеров. Особенности жизненного пути обусловили то, что Ксенофонт в большей степени тяготел к описанию практики

военно-политического лидерства, а Цицерон к теоретическим исканиям в этой области. Авторы последующих эпох обращались к их сочинениям, определяя их уникальными источниками по античному воспитанию патриотизма в условиях войны и мира.

Список литературы

- 1 Батлук, О. В. Философия образования в Древнем Риме : дис. ... канд. филос. наук / О. В. Батлук. — М., 2001. — 157 с.
2. Гомер. Илиада. Одиссея / пер. Н. Гнедича. — М. : Худ. лит., 1967. — 768 с.
3. Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. — М. : Наука, 1976. — 347 с.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. — М. : Наука, 1994. — 356 с.
5. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М. : Наука, 1966. — С. 7—88.
6. Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. — С. 191—298.
7. Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В. О. Горенштейна. — М. : Наука, 1974. — С. 7—30.
8. Цицерон. Тускуланские беседы / Цицерон. Избранные сочинения / Сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова,
- В. Смирнова. М.: Худ. лит, 1975. С. 207—357.
9. Barlow, J. J. The Education of Statesmen in Cicero's "De Republica" // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. — Vol.19. — Iss. 3. — PP. 353—374.
10. Gera, D. L. The Dialogues of The Cyropaedia. — Oxford: Trinity Term, 1987. — V.1. —388 p.
11. Maass, R. W. Political Society and Cicero's Ideal State // Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. — 2012. — Vol.45. — Iss. 2. — PP. 79—92.
12. Petrik, C. H. Xenophon's Leadership in the Anabasis: A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. — Edmonton, Alberta Fall, 1996. — 90 p.
13. Wriden, C. The Account of Persia and Cyrus's Persian Education in Xenophon's «Cyropaedia» // The Review of Politics. — 2007. — Vol. 69. — №. 4. — PP. 539—567.